

АЛЕКСАНДР БОГАТЫРЕВ

ЧУДО— ДЕЛО ТИХОЕ

Александр Богатырев

Чудо – дело тихое

«Издательство Сретенского Монастыря»

2016

УДК 271.22(470+571)-726.25:929Симеон
ББК 86.372.24-3

Богатырев А. В.

Чудо – дело тихое / А. В. Богатырев — «Издательство
Сретенского Монастыря», 2016

ISBN 978-5-7533-1237-2

Книга посвящена схиархимандриту Симеону (Нестеренко; 1920–2010), которого называют сочинским старцем по его последнему месту жительства. Отец Симеон, воспитанник Глинских старцев, по праву и сам считается Глинским старцем. Автор книги Александр Богатырев, известный православный публицист, писатель и режиссер, не один год по крупицам собирал свидетельства людей, знавших о. Симеона, а также тех, кто уже после его кончины получил помощь по молитвам к нему. Написанные в разные годы очерки объединены одной мыслью – чудес, происшедших по молитвам батюшки, не смогут отрицать самые убежденные скептики. Но главные чудеса – это тысячи людей, приведенных отцом Симеоном к Богу, тысячи исцеленных душ, обретших смысл и верные жизненные ориентиры.

УДК 271.22(470+571)-726.25:929Симеон

ББК 86.372.24-3

ISBN 978-5-7533-1237-2

© Богатырев А. В., 2016
© Издательство Сретенского
Монастыря, 2016

Содержание

Вместо предисловия	6
От Глинской пустыни до Сочи	8
Из общинки старца Симеона	20
Чудо – дело тихое	25
Матушка Ксения	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Александр Богатырев

Чудо – дело тихое

© Богатырев А. В., 2016

© Сретенский монастырь, 2016

Вместо предисловия

Писать о людях святой жизни сложно. Можно ненароком согрешить против истины: выстраивая логичную и последовательную линию повествования, что-нибудь приукрасить, что-то додумать, а что-то упустить. Приходится помнить о том, что всегда найдутся люди, которым покажется, что ты умышленно сокрыл важное и добавил нечто, не имеющее отношения к воспоминаниям о дорогом для них человеке. Я дерзнул писать о старце Симеоне (Нестеренко) по благословию митрополита Кубанского и Екатеринодарского Исидора. Он знал батюшку много лет, часто навещал его и не сомневается в его святости.

О том, что меня благословили написать об отце Симеоне книгу, узнали очень быстро. Посыпались звонки. Мне передали несколько тетрадей с воспоминаниями. Выслушал я десятки рассказов.

Я видел батюшку много раз, но беседовал с ним всего лишь дважды. Поэтому все, что я о нем пишу, – свидетельства тех, кто долго жил рядом с ним, кого он окормлял, кто получил помощь и исцеление по его молитвам. Отца Симеона помнит очень много людей: и его духовные чада, и те, кто хотя бы один раз обращался к нему за советом. Мне рассказывали о том, как люди, однажды встретившие батюшку, решительно меняли свою жизнь.

Свой монашеский путь он начал в Глинской пустыни, но большую часть жизни провел на Кавказе. Последние годы – в Сочи, где и погребен в часовне во имя преподобного Симеона Столпника. Сейчас знавшие и не знавшие отца Симеона приходят в эту часовню и обращаются к нему как к живому с самыми разными просьбами. И очень часто их просьбы исполняются. Это засвидетельствовали его духовные дочери, поддерживающие порядок в часовне, священники, служащие по батюшке панихиды.

Любящие отца Симеона часто собираются вместе. Неудивительно, что рассказанное ими становится достоянием гласности. Многие могут подтвердить случаи избавления от бед, рассказать об устройстве на работу, когда кругом сплошная безработица; о неверных мужьях, вернувшихся к женам; о молодых людях, оставивших пагубные страсти... В своем отборе этих свидетельств я старался по возможности не повторяться. Поскольку это не сбор материала для прославления, а документально-художественное повествование, я выбирал наиболее инте-

ресные для читателей сюжеты. Кроме того, я описывал судьбы людей, которым отец Симеон помог прийти к Богу. Больной, обездвиженный, прикованный к постели, он помогал людям уверенно идти по жизни, полной скорбей и тяжелейших испытаний. Духовный труд батюшки можно сравнить с работой ткацкого станка, где натянута основа, а челнок, проходя через нее, вплетает разноцветные нити, и так, шаг за шагом, ткется полотно. Основа – это православие. А челнок – батюшка Симеон, сплетавший нити жизни многих людей в общее полотно. Так индивидуальные человеческие судьбы соединялись им в единое Тело Христово. Он был воистину пастырем добрым и мудрым наставником.

Рассказывая о чудесах исцеления, опасаюсь: не станут ли мои тексты соблазном? Народ у нас замечательный, и вера у многих крепка и непоколебима. А вдруг найдутся люди, которые откажутся от традиционного лечения и станут уповать только на помощь отца Симеона? А потом родственники тех, которые не получают просимого исцеления, возропшут и назовут меня обманщиком. Хочу заранее предупредить возможность такого поворота.

Исцеление получают те, кого Бог исцелит. Нужно относиться к болезням и смерти так, как учит Православная Церковь: смерти нет, а переход в вечность происходит в самый для человека лучший момент его жизни. Если Господь посчитает нужным продлить человеку земной срок, то продлит его. Возможно, для того, чтобы дать время на покаяние. Возможно, для того чтобы не лишать детей и внуков кормильца и любимого, родного человека. Как происходят суды Божии – неведомо. Мы страшимся смерти. Даже великие праведники трепетали при ее приближении. И вполне естественно, что мы просим продления живота нашего и доброго ответа на Страшном Судилище Христовом. Обращаясь к отцу Симеону с просьбой об исцелении, нужно помнить о том, для чего мы пришли в этот мир и как должно его покидать. И уж если получим по батюшкиным молитвам исцеление, то посвятим свою жизнь Христу Богу и подготовке к неизбежному расставанию с этим миром и доброму ответу за то, как проведем на земле «добавленное время».

От Глинской пустыни до Сочи

25 декабря, в день памяти святителя Спиридона Тримифунтского, в сочинских храмах после литургии отслужили панихиды по схиархимандриту Симеону (Нестеренко). А в Михайло-Архангельском соборе и церкви великомученика Георгия Победоносца сестры организованной отцом Симеоном общины устроили поминальную трапезу. Один из приглашенных священников удивился:

– Почему вы раньше времени сороковины отмечаете?

– Это не сороковины, а двадцать дней – половина сороковин, – ответила одна из матушек.

– Кто это вас надоумил?

– Любовь, – улыбнулась матушка.

– Никогда не слышал, чтобы двадцатый день отмечали, как девятый и сороковой. Нигде это не принято.

– А в Глинской пустыни принято.

Отец Симеон был воспитанником этой знаменитой обители. Родился он в 1920 году. Жил в селе Береза в четырнадцати километрах от Глинской пустыни. Как только эту обитель открыли, он поспешил вступить в число братии. Несколько лет он выполнял разные послушания: пел на клиросе, работал на кухне, ухаживал за слепым старцем Никодимом. В 1951 году в день памяти Иоанна Богослова Симеон был рукоположен в диакона, а 27 октября 1952 года его постригли в мантию с сохранением имени Симеон.

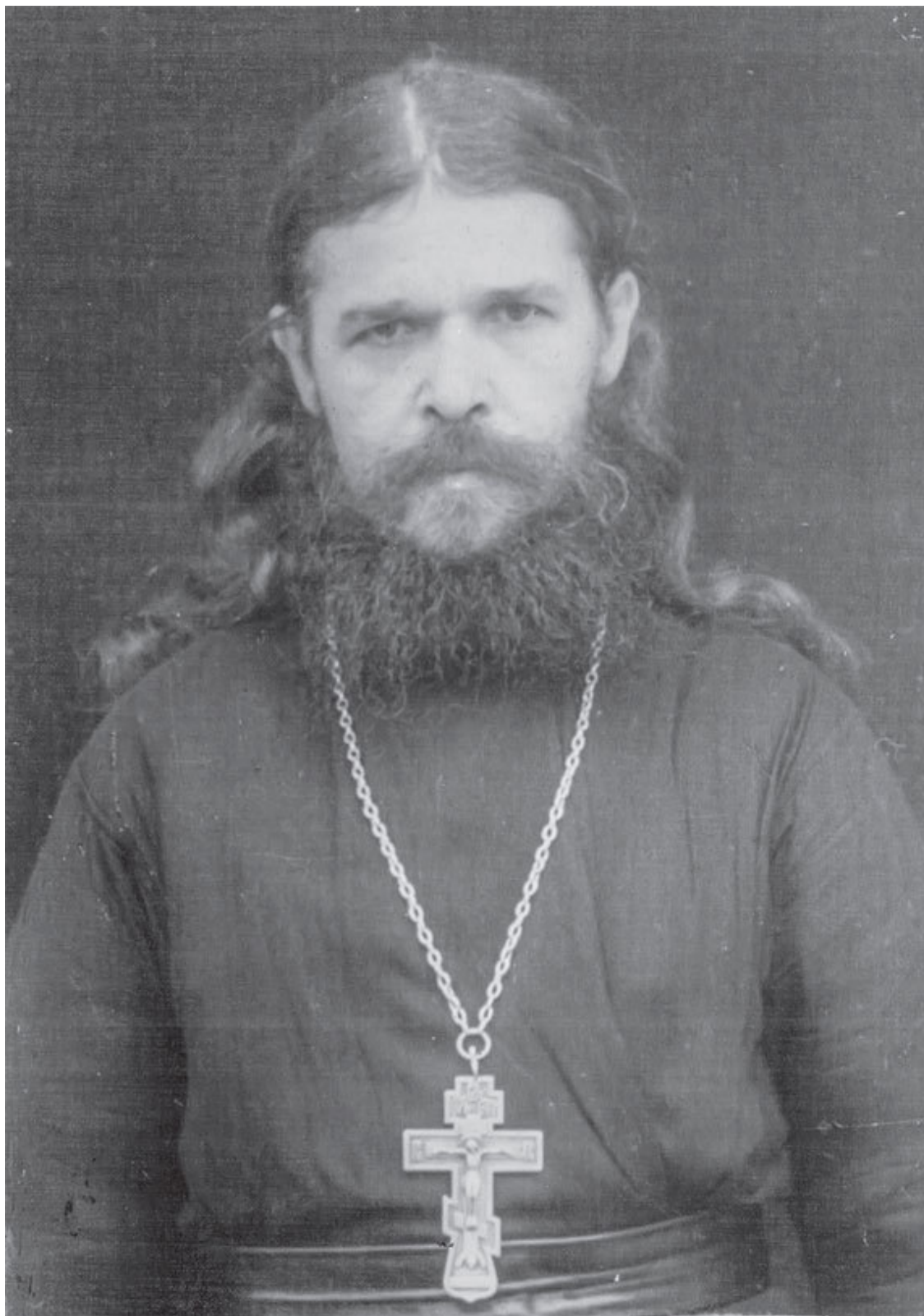

Иеродиакон Симеон в Глинской пустыни. Начало 1950-х

Обитель была бедной. Причиной того являлись огромные налоги, которые на монастырь налагала советская власть. Монахи Глинской пустыни голодали, но, уповая на Царицу Небесную, за все благодарили Бога и безропотно несли свой крест.

Отец Симеон с самой юности часто болел. Ему пришлось трудиться с ранних лет. У него было четыре брата и три сестры. Отец бросил их, когда младшие дети были совсем маленькими. Пришлось Симеону идти в люди, чтобы прокормить братьев и сестер, оставшихся без кормильца. Он пас коров и овец у зажиточных соседей. Однажды он, босой, угнал стадо далеко в поле. Неожиданно ударил мороз. Пока добрался до дома хозяев, отморозил ноги. С этих пор начались его муки. Ноги почернели и опухли. Из гноящихся ран выходили осколки костей. Ему доставляли мучения даже малейшие колебания пола, когда кто-то проходил рядом. Но Симеон все переносил с поразительным терпением. Он утешал себя воспоминаниями о Христовых страданиях и терпении многострадального Иова. Три года он пролежал в больнице. Его подлечили, но болезнь постоянно давала о себе знать частыми обострениями.

После принятия священнического сана отцу Симеону приходилось вести долгие монастырские службы. Больные ноги не выдерживали нагрузок. Воспалались они и при частых простудах. С каждым годом ему становилось все труднее служить и передвигаться. При хрущевских гонениях на Церковь его сначала отправили на сельский приход, потом ненадолго вернули, но после и вовсе изгнали из Глинской пустыни. Пока он служил на приходе, снова разболелись ноги. Чтобы успеть на утреннюю службу, он с вечера полз на животе от хатки, в которой его разместили, до церкви. Но как только он оказывался в церкви, Господь давал ему силы, он вставал и служил литургию. Прихожане и не знали, чего ему это стоило. Некоторые, видя его ползущим по земле, смеялись: «Вот до чего напился! Уже и на ногах не стоит».

Иеромонах Симеон

Изгнали отца Симеона из Глинской пустыни за сугубое усердие. С первых лет пребывания в обители у него обнаружилось многие духовные дарования. К молодому иеромонаху приходило такое же множество людей, как и к умудренным старцам. Это не могло не вызвать гнев светских властей. Несмотря на то, что патриарх Алексей I приказал вернуть отца Симеона в

пустынь, уполномоченный по делам религии не допустил этого. Глинские старцы посоветовали ему уехать на Кавказ.

Отец Симеон с духовными чадами

Отец Симеон получил назначение от архиепископа Сухумского Леонида в селение Лыхны. Там он начал служить в полуразрушенном храме Успения Пресвятой Богородицы,

построенном в X-XI веках. Местные жители были поражены тем, что отец Симеон не брал денег за требы. Они видели его бескорыстные труды и очень скоро полюбили своего нового пастыря. К нему стали приезжать духовные чада из Москвы и других городов и весей. Они помогли обзавестись необходимой утварью, постепенно восстановили храм.

Его полюбил и Грузинский патриарх Илия. Он неоднократно навещал его в Лыхнах и Гудауте, где отцу Симеону удалось приобрести половину дома. Здесь образовалась монашеская община из сестер, прислуживавших в храме. Монахини этой общины никогда не покидали отца Симеона и оставались при нем до последних его дней.

Несмотря на постоянные хвори, отец Симеон добрался до горного селения Псоу, в котором обосновалось много монахов, и некоторое время жил с ними. Отсюда он поднимался в труднодоступные места, где скрывались отшельники, чтобы причастить старых монахов – тех, которые по немощи уже не могли спуститься с гор, и тех, которые навсегда удалились из мира и никогда не покидали своих келий. Проходя узкими тропами над пропастями, он трижды чудом избежал гибели.

Батюшка полюбил этот край, удел Божией Матери, но жить здесь было непросто. Власти постоянно следили за ним, подсылали соглядатаев. Однажды его подвергли ночному допросу, выясняя его отношение к власти. Убедившись в том, что политика отца Симеона совсем не интересует и что он, по слову апостола, не только не борется с властью, но еще и молится о ней, просили его не оставлять молитв. Особенно трудно ему пришлось, когда стали разжигать вражду между грузинами и абхазами, перешедшую в настоящую войну. Батюшку угрозами принуждали встать на одну из сторон. Он отказался и молился об установлении мира. Но мир нужен был тем, кто разжигал эту войну. Батюшке пришлось покинуть Гудауту и перебраться в Сочи.

Здесь скоро о нем узнал весь город, а затем и весь Краснодарский край. К нему стал наведываться Кубанский митрополит Исидор, знавший отца Симеона еще в Глинской пустыни. Посещали его и многие другие архиереи. Нуждающихся в духовном окормлении становилось все больше. Когда к Почаевскому старцу Кукше приезжали паломники с Кубани, тот говорил им: «Зачем вы ко мне приехали, когда у вас есть свой старец Симеон?»

С 1975 года он уже не мог самостоятельно ходить. Пришлось передвигаться на инвалидной коляске. Он постоянно претерпевал сильные боли, но никогда не говорил о своих страданиях. Иногда шутил:

– Я-то что... Я барин. Лежу себе на мягких постелях. За мной ухаживают, а вот монах Иов в Глинской пустыни ходил с полными сапогами гноя. Вот у кого ноги болели. Но он никогда не лечился, и никто за ним не ухаживал.

Сам батюшка тоже прибегал к врачебной помощи лишь в крайних случаях. Таблетки принимал при врачах, чтобы их не обидеть, а потом велел лекарства выбрасывать. Страдания он воспринимал как посланное Богом испытание. И старался выдержать его без ропота, проявляя удивительное смирение и терпение. Он часто повторял слова преподобного Антония Великого: «Скорбями обретаем Бога». Имя Симеон, данное ему в крещении в честь преподобного Симеона Столпника, было сохранено при постриге, но на сей раз его нарекли уже в честь преподобного Симеона Верхотурского. Однако он никогда не оставлял своего «столпничества» и никогда не просил у Господа позволения оставить этот подвиг.

Иеромонах Симеон. 1970-е

Современному человеку при нынешнем культе здорового тела, когда со всех сторон видишь рекламу новейших лекарств и способов сохранить активность и бодрость до глубокой старости, трудно понять подвиг отца Симеона. Он отказывался принимать обезболивающие лекарства и добровольно переносил страдания во искупление грехов – как собственных, так и своих духовных чад, о которых непрестанно молился.

Когда видишь брошенных стариков и инвалидов и то, с каким трудом больницы находят санитарок для ухода за болящими, становится очевидно, что людей, готовых ухаживать за обезноженным отцом Симеоном, посылал Сам Господь. В общину приходили новые сестры, появились помощники и из братьев. Двое тогда еще довольно молодых людей стали добровольно возить батюшку в церковь. Один из них был отставным морским офицером, другой – инженером-строителем. В приобретенном микроавтобусе они возили батюшку по вновь открытым обителям. Посетили родину отца Симеона и его любимую Глинскую пустынь. Побывали в Москве у блаженной Матронушки, у преподобного Сергия Радонежского в Троице-Сергиевой лавре, в Дивееве у преподобного Серафима Саровского, в других знаменитых монастырях, добрались и до Екатеринбургских пределов, где подвизался небесный покровитель батюшки преподобный Симеон Верхотурский. Эти поездки были утомительны, но очень важны. Батюшка приезжал поклониться великим русским святым, а его духовные чада и люди, с которыми он встречался, имели возможность общения с живым праведником и продолжателем великих православных традиций.

Отец Симеон со своей общиной в Гудаутах. 1958 г.

Батюшка был очень прост в общении. Принимал всех ласково, прежде чем начать беседу, кормил. Наставлял сестер всегда проявлять милость и никогда не быть грубыми с посетителями: «Доброе слово лечит лучше всяких лекарств». Когда к нему приходили люди в надежде увидеть мудрого златоуста, он сразу прозревал их желание и говорил: «За умными беседами идите к академикам. А ко мне, пожалуйста, только с простыми вопросами».

Он не любил пустого смехотворства, сам же обладал хорошим чувством юмора и часто шутками и прибаутками скрывал свою прозорливость и уходил от бестактных вопросов. Он очень удачно отшучивался, когда нецерковные люди хотели поставить его в неловкое положение. Не любил он и чрезмерного почитания.

Вот один из его диалогов с назойливыми посетителями.

Ему умильно говорят:

– Батюшка, как нам с вами хорошо!

А он отвечает:

- А чего ж вы не скачете от радости?!
- Батюшка, родненький...
- Родненький, да голодненький.
- А вы поешьте.
- А у меня рот уснул.
- Надо кушать, а то ноги протянете.
- А я и так протянул. Меня на коляске возят.

Однажды пришла к батюшке девица и стала ему перечить. Он ей одно, а она ему другое.

Батюшке надоело это дело, поглядел он на нее и говорит:

– У тебя золото есть?

– Есть.

– Покажи.

– Вот сережки и колечко.

– И все?

– Все.

– Это мало. Вот когда у тебя будет мешок золота, тогда приходи и поговорим. А до тех пор не появляйся.

Привели как-то к отцу Симеону молодого милиционера. Батюшка посмотрел на него и спрашивает:

– У тебя пистолет есть?

– Есть.

– Убивал из него людей?

– Нет.

– И кандалы есть?

– Кандалов нет. Есть наручники.

– И красная книжка есть?

– Есть.

– А для чего живешь, знаешь?

Милиционер опешил.

– Расскажи, батюшка.

И батюшка рассказал. Долго беседовали они. А когда милиционер ушел, отец Симеон сказал матушкам: «Попом будет». Так и вышло. Сейчас этот милиционер – священник, служит в одном из сочинских храмов.

Батюшка никогда не боялся свидетельствовать о Христе. Даже в самый разгар антирелигиозной борьбы он всегда ходил в подряснике. Ему часто приходилось выслушивать злобные хульные тирады. Особенно в поездах, когда некуда деться от попутчиков.

Однажды он оказался в купе с двумя женщинами. Одна из них стала громко говорить о том, что «попы жулики и бездельники и ничего не знают».

Батюшка посмотрел на нее с сожалением, вздохнул и говорит:

– Кое-что все-таки знаем. А скажите, сколько у вас детей?

– Двое.

– Двое – это те, что уцелели. А пятерых вы в утробе зарезали.

Женщина в ужасе выскочила из купе. Ее собеседница последовала за ней.

Один раз полковник-политрук стал «просвещать» батюшку, приводя цитаты из атеистических брошюрок. Начал он с расхожей фразы: «Наука доказала, что Бога нет».

– Во здорово! А коммунисты есть?

– Конечно, есть. Я вот коммунист.

– И, наверное, в санаторий едете?

- В санаторий.
- И в море будете купаться?
- Конечно.
- А еще что будете делать?
- В рестораны буду ходить. С женщинами гулять.
- Значит, денег на все это хватит. Партийным, значит, хорошо платят?
- Не жалуюсь.
- А скажите, что вам ваша партия после смерти обещает?

Политрук замолчал и не по-доброму поглядел на отца Симеона.

– А мне мой Бог обещает вечную жизнь. Своим воскресением Он доказал, что смерти нет. А про то, чего наука доказала, я не знаю. И спорить с ученым человеком не стану. Если хотите, давайте после смерти продолжим этот разговор.

Полковник тяжело задышал, поднялся и вышел из купе. Через полчаса он вернулся с двумя стаканами чая и пакетом пряников и плюшек.

– А теперь, батюшка, давай расскажи мне о своем Боге.

Беседовали они до утра, а утром политрук слезно благодарил отца Симеона и просил прощения за дерзкие словеса.

Батюшка не избегал разговоров о Боге, но учил своих чад: «О Боге говорите спокойно. Со страхом Божиим. Никогда не спорьте. Если видите, что собеседник раздражен, прекращайте разговор. Проку не будет. Не мечите бисер».

Батюшка очень любил людей, но обрушившаяся на него «популярность» тяготила его. Ведь его немощи и хвори усиливались прямо пропорционально росту его известности. Особенно тяжело было, когда люди приходили не для того, чтобы получить духовный совет, а для того, чтобы в его лице заполучить арбитра в семейных ссорах. В таких случаях батюшка просил не вываливать на него грязь семейных неурядиц и советовал супругам вспомнить, за что они полюбили друг друга, и забыть, «яко небывшее», все, что убивало их любовь.

Отец Симеон в Сочи, пос. Верхний Юрт. Начало 2000-х

Батюшка был скромен и часто скрывал свой дар прозорливости. Иногда юродствовал. Как-то пришел к нему молодой человек, увлекшийся язычеством. Он прочел о том, что мать-земля – это живое божество, и хотел спросить, можно ли на землю плевать. Батюшка, не дожидаясь вопроса, плюнул ему под ноги: «Понял?» Пораженный посетитель ничего не сказал. Тогда батюшка плюнул второй раз и пошел в дом.

Отец Симеон окормлялся опытными старцами, такими как прославленные в лике святых схиархимандриты Андроник (Лукаш), Зиновий (Мажуга), Серафим (Романцов), и обрел главную христианскую добродетель – любовь. Любовь к Богу и ближним. Именно этим объясняется ответная, поистине всенародная любовь, которой отец Симеон был окружен в последние десятилетия своей жизни. К нему приезжали за духовным советом люди из ближних и дальних весей России. Приезжали православные и из других стран. Как сказал один из духовных чад

батюшки, «в его маленькой келье перебивало больше народу, чем во Дворце съездов». Даже в последние годы – а отец Симеон прожил девяносто лет, – когда из-за тяжелейшей болезни и нескольких перенесенных инсультов он не мог, как прежде, беседовать с посетителями, люди приезжали к нему, чтобы просто побыть рядом, рассказать ему, немощному, о своих немощах и бедах и уйти умиротворенными и успокоенными. До последнего вздоха он молился о своих духовных чадах и гибнущем в грехах и пороках мире.

Сестры его общины, проводившие подле него полвека, знали о его постоянном подвиге, о непрерывающейся ни на миг молитве. Тем, кто мало знал батюшку, трудно было поверить в то, что прикованный к постели старец, не всегда узнававший приходивших к нему людей, пребывал в постоянном богообщении. Я, грешным делом, тоже сомневался, пока за два месяца до его кончины не получил удивительный опыт общения без слов. Я простоял у изголовья батюшки на коленях минут десять. Он держал мою руку в своей руке, и я почувствовал, как его тепло проникает в мое сердце. Я не мог сдержать слез. Это безмолвное пребывание подле него было моим покаянием и его благословением. Происходило исполнение просимого у Господа очищения сердца. Я физически ощутил силу его молитвы, и что «дух прав» по его молитве «обновляется во утробе моей».

Отец Симеон скончался 6 декабря, но до этого он умирал неоднократно. И всякий раз Господь возвращал его по молитвам Церкви и его бесчисленных духовных детей. Батюшка рассказал об одном таком случае.

Однажды после тяжелейшего приступа он почувствовал, что душа его покинула тело. Он увидел огромный вокзал, из которого постоянно отбывали люди. Его охватило беспокойство оттого, что у него не было билета. Вдруг он увидел монаха, с которым в молодости сильно повздорил, а потом всю жизнь об этом горько сожалел. Батюшка стал просить у него прощения, а тот повел его по длинной улице и стал показывать дома, в которых пребывали ушедшие из жизни монахи Глинской пустыни.

– А это твой, – сказал он, остановившись у недостроенного дома. Там было лишь три стены без крыши.

– Да как же я в нем жить буду? – спросил отец Симеон.

– Пока никак. А вот достроим – тогда позовем, – ответил монах. – А пока возвращайся.

В тот же миг батюшка почувствовал, как душа возвращается в тело, и снова испытал сильнейшую боль.

О молитвенной помощи отца Симеона существует множество свидетельств. Еще предстоит большая работа по их сбору и проверке. Народ любит чудеса. И любит о них рассказывать. Приходится тщательно отделять правдивые истории от «фольклора». Но уже сейчас очевидно, что чудес, происшедших по молитвам батюшки, не смогут отрицать самые закоренелые скептики. Но главное чудо – это тысячи людей, приведенных отцом Симеоном к Богу, тысячи исцеленных душ, обретших смысл и верные ориентиры. А разве не чудо то, что восемь сестер батюшкиной общины на поминальных трапезах умудряются накормить чуть ли не полгорода? Когда я спросил матушку Макрину, как им это удастся, она улыбнулась: «По молитвам батюшки. К тому же мое самое любимое место в Евангелии – это когда Господь пятью хлебами накормил пять тысяч».

Из общинки старца Симеона

Схимонахиня Елисавета была старшей в общине отца Симеона. И то, что она первой ушла вслед за батюшкой, никого не удивило. Девяносто лет – возраст немалый. Умирала она, как и отец Симеон, не один раз. Последний – в день батюшкиной кончины. Тогда матушка Варвара приказала ей повременить: «Погоди. Батюшку проводим, тогда и помирай». Елисавета послушалась. Сильно постаралась и умерла ровно через два месяца после кончины своего духовного отца: он – 6 декабря, она – 6 февраля. И сподобилась упокоиться рядом с любимым старцем. А ведь если бы раньше померла, лежала бы на дальнем кладбище...

Матушка Елисавета с юности знала о своем монашеском призвании. В Перми, где она жила со своей сестрой, был прозорливый старец Алексей. Когда обе девушки, придя к нему, спросили совета, как им устроить свои жизни, он внимательно посмотрел на них и приказал принести двух кукол. Старец нарядил этих кукол в монашеское одеяние и сказал: «Имена поменяете и будете петь, как ангелы, до самой смерти». Так и произошло. Обе они стали монахинями и пели Богу своему до последнего вздоха. Сестра Елисаветы Евдокия ушла из жизни намного раньше и упокоилась в Гудаутах, где они жили до переезда в Сочи. А матушка Елисавета, как и отец Симеон, погребена рядом с храмом Георгия Победоносца. Это великая милость Божия. Немногие знают, чего это стоило верным батюшкиным чадам. Ведь в Сочи не было еще ни одного такого погребения. Да и храмов никаких до недавнего времени не было, кроме Михайло-Архангельского. Настоятели новых церквей, слава Богу, живы. И вдруг умирает старец, никогда сочинским клириком не бывший. Как было доказать светским властям, что его нужно похоронить рядом с храмом? И все же удалось. Дай Бог здоровья мэру и всем, кто об этом хлопотал!

Это были удивительные похороны. Проводить матушку Елисавету собралось немало народу – батюшкины чада, любившие своего духовного отца и тех, кто много лет ухаживал за ним. Все чувствовали не только печаль расставания с любимым человеком, но и радость оттого, что ей первой Господь судил встретиться с батюшкой. Когда закончилась панихида и установили крест над могилой – всего лишь в двух метрах от батюшкиного креста, – люди медленно двинулись меж двух могильных холмов, полностью засыпанных цветами, кланялись

в пояс и целовали кресты: батюшкин и новопреставленной Елисаветы. И было в этом крестном целовании нечто от клятвы на верность Богу и обещание вечной памяти об усопших. Как это было не похоже на то, что происходило совсем рядом. По дороге к храму я прошел мимо людей, стоявших у свежей могилы. Мужчины курили и пили водку из пластиковых стаканов. Женщины тоже курили. О чем говорили они, я не слышал. Но это определенно были не слова молитвы.

Еще совсем недавно сочинское кладбище начиналось с братской могилы воинов, погибших в Великую Отечественную войну. Гипсовый солдат, покрашенный серебрянкой, все так же стоит, скорбно склонив голову. Но скромное военное захоронение перестало быть главным. Неподалеку от братской могилы вырос целый город могил «братков». Могил не братских – индивидуальных. Очень дорогих и помпезных. Тут тебе стилизация и под христианские часовни, и под греческие пантеоны с портиками и дорическими колоннами, а перед ними – скульптурные изображения их хозяев. Одни стоят, другие сидят в креслах в вальяжных позах. И эпитафии теперь иные. Вместо: «Вечной славы героям!» – призыв «не стрелять в спину, поскольку песня еще не допета», или: «Жизнь пронеслась, как сверкающий бал, но только я на него не попал».

Огромные монументы из черного и белого мрамора стоят вдоль дороги. Их не обойти, не объехать. Глаз невольно цепляется за выбитые на камне инскрипции. Некоторые по-своему весьма поучительны. Усопший обладатель огромной беломраморной площадки с пантеоном изрекает с того света: «Кто знал тоску, поймет мою печаль». Стало быть – не в деньгах счастье. А несправедно нажитое богатство – причина вечной тоски: и на земле, и за гробом. И такая тоска берет от вида этой ярмарки загробного тщеславия, что ноги сами несут к православному храму – к тихому пристанищу, к светлому маяку в удручающем, добровольно и богато увековеченном мраке.

Да, православное отпевание и панихида на кладбище – это воистину знак победы над смертью. Вот стоят невесты Христовы и поют, провожая в последний путь свою старшенькую. Черные апостольники, черные ряски из-под черных пальтишек, серый день – а так светло. То ли от сотен горящих свечей... Да нет, тут, пожалуй, иная причина... Я смотрел на их лица: кто-то утирал слезу, кто-то часто печально вздыхал: «Не я ли следующая?» Печаль – естественное состояние души при прощании с тем, кто приобщился вечности. Но это светлая печаль, скрашенная утешением, дарованным Господом, и надеждой на встречу с любимыми в Царствии Небесном. И поэтому мы поем. И в песнях наших погребальных помимо скорби – упование на милость Божию и надежда на упокоение со святыми. В этой дерзкой надежде – тайна нашего усыновления и уподобления Творцу. Не может милосердный Господь отвергнуть создание Свое. Ведь оно возлюбило Его, отказалось от мирских радостей и усердно старалось соблюсти Его заповеди.

Я смотрел на сестер обители и вдруг почему-то подумал, что в этот момент они молятся не только о матушке Елисавете и отце Симеоне. Кто знает, может, по их молитвам Господь призрит и на тех, кого в этот момент хоронят мирским чином с папироской и водкой.

– Какой была матушка Елисавета?

– Тихой, кроткой. Никогда ни на что не жаловалась, ничего для себя не просила. Была всем довольна. За все благодарил Бога. А еще она была светлой. Можно сказать, солнечной.

Так говорили о ней люди, знавшие ее много лет. Никаких особых историй с матушкой даже на поминках не вспомнили. Главное – Бога любила. Греха боялась. Молилась усердно. Что еще нужно говорить о монахини?.. Батюшка ей предсказал, что в один день с ним помрет. Вот и померли 6-го числа. Ярких эпизодов в жизни тех, кто принял монашеский постриг, обычно немного. Но все же они были. Только это не те сцены успеха и счастья, которые показывает народу телевизор, а гонения и притеснения от властей и недругов, холодная и голодная юность, поиск духовного отца и обретение его, абхазо-грузинская война с бомбами, падающими рядом

с домом, с вооруженными озлобленными мужчинами. Но самым главным в жизни матушки Елисаветы была постоянная духовная радость от общения с отцом Симеоном. За батюшкой сестры обители были воистину как за каменной стеной: ни одного дня не голодали и были уверены, что пока он с ними, помощь и защита гарантированы. Их всех объединяет то, что они с ранних лет думали о спасении души. Не так много было в советской России девиц, мечтавших не о летчиках и танкистах, а о Небесном Женихе и о духовном руководителе, который указал бы им спасительный путь.

Матушка Екатерина познакомилась с отцом Симеоном, когда была совсем молоденькой. Тогда ее звали Тамара, и приехала она в Глинскую пустынь с подругой. Отец Симеон предложил ей стать его духовной дочерью, а подруге сказал, что она «не его». Тамару удивило то, что он сам обратил на нее внимание. У нее было другое желание – стать духовным чадом схииеромонаха Николая. Но тот сказал ей, что скоро умрет и что в Глинской пустыни Мать Божия укажет ей духовника. В монастыре она испытывала сильное смущение, все думала: «Настоящая ли я христианка?» Дело в том, что ее крестил дьячок. Миропомазал же ее батюшка Симеон. А потом, когда после изгнания из Глинской пустыни батюшка оказался в Абхазии и позвал Тамару к себе, она, не раздумывая, приехала.

Матушка Варвара (в девичестве Нина) попала в Абхазию после долгих странствий. Она с детства знала, что жизнь верующих в СССР полна скорбей и опасностей. И все же мечтала о монастыре. Она помнила, как арестовали священника в ее родном селе. Тот знал о своей участи и накануне ареста ночью покрестил двести человек. В монастыре в Прилуках, куда позвала Нину настоятельница, уполномоченный не разрешил ее прописать. Она уехала в Грузию. В Ольгинском монастыре в Мцхета ей позволили прожить лишь полгода. По приказу Хрущева тогда из монастырей изгоняли всех молодых людей. В Овруче трех знакомых ей монахинь обвинили в антисоветской деятельности за то, что они отказались участвовать в выборах. Нину ни в чем не обвиняли, но приказали покинуть монастырь, и она отправилась в Сухуми. Здесь ее и привели к отцу Симеону.

Матушка Макрина тоже стала духовным чадом батюшки в юные годы. Ее тогда звали Надеждой. Она приехала в Глинскую пустынь и получила послушание писать благодарственные письма тем, кто присылал в монастырь посылки. Отец Симеон давал ей книги духовного содержания. Она полюбила жизнь в монастыре и не хотела уезжать домой.

– А в монашки хочешь? – спросил ее отец Симеон.

– Хочу.

Отец Симеон отправил ее в Киев. Но в монастырь ее не приняли. Тогда она уехала в Москву. Помогала восстанавливать в Измайлове храм, шила облачения и украшала митру патриарху Пимену. Потом батюшка послал ее в Ольгинский монастырь в Мцхета. После того, как стали из монастырей изгонять молодых, она перебралась в Армению. Там в это время жил отец Андроник, у которого отец Симеон окормлялся в Глинской пустыни. Надежда писала иконы. Но и здесь не удалось задержаться надолго. Она уехала в Сухуми. По дороге в храм увидела отца Симеона.

Схиархимандрит Симеон. Сочи, пос. Верхний Юрт. 2000-е

– Я за тобой, – сказал он ей.

С той поры она с ним не расставалась. Приняла постриг в рясофор с именем Мелания. Но батюшка звал ее все время Макриной. Так что при постриге в мантию проблемы с выбором имени не было.

У остальных матушек, проживших в общине отца Симеона более полувека, путь к монашеству был похожим. Все они по скромности говорят, что им и вспоминать нечего. Были в послушании у батюшки: куда он – туда и они. Молились, как могли, старались спасти свои души. Стали друг для друга сестрами. Не по принятому в православной среде названию, а по сути. Их сроднили совместно пережитые опасности и беды.

Отец Симеон стал для них «кормчим ковчега спасения». Но у этого ковчега поначалу не было даже днища: сестры спали на земле, подложив под голову камень. За бортом их ковчега неистово бушевали бури. Власти не раз собирались изгнать пришельцев. Но по милости Божией так и не изгнали. Пережили они и клевету, и угрозы. Терпели и от врагов, и от своих лжебратьев. Все претерпели. И община, вопреки угрозам, не развалилась. «Доброжелатели» говорили: «Вот умрет старец, перемрут старушки – и все кончится». Ан нет! В общине появились молодые сестры.

Удивительна история инокини Агнии. На сельском приходе, где служил ее отец, жил девяностолетний юродивый старец. К нему обращались с разными вопросами. Но он никогда не отвечал на них прямо: говорил притчами, зачастую совершенно непонятными. Десятилетней Агнии он сказал, что она умрет в двенадцать лет. А потом добавил, что жить будет у чужих людей и неродной дедушка будет ей дороже родного. Девочка испугалась скорой смерти и стала к ней готовиться: читала Псалтирь. Каждый день по три кафизмы. Накануне двенадцатилетия она поехала со своим отцом к его духовнику – отцу Симеону. Ей очень понравилось у батюшки, но нужно было возвращаться домой. Ее отец спросил отца Симеона, нельзя ли оставить дочку на некоторое время.

– Оставляй навсегда, – сказал отец Симеон.

Так исполнилось предсказание юродивого. Агния умерла для мира и обрела духовного отца, который стал ей дороже родного.

Современный человек плохо представляет себе суть монашества. Когда он видит пожилых людей в черных монашеских одеждах, то думает: «Ну что ж, видно, пожили бурно и весело, а теперь замаливают грехи». Это ему понятно. Но молоденькая девушка, ушедшая из мира, – это вне всякого понимания. А ведь к отцу Симеону все приходили молодыми. Он, как опытный ловец, выхватывал их из кипящего страстями моря житейского и навсегда оставлял на спасительном острове. Эти молодые девицы жили при нем, старея плотью, но не духом. А духа они были одного: и пожилые монахини, и молодые сестры. Всех их роднит, помимо веры в Бога и преданной любви к отцу Симеону, редкое по нынешним временам качество – детскость. Великое дело – сохранить детскость до седых волос. «Будьте, как дети. Ибо их есть Царствие Небесное», – сказал Господь. Матушкам это удалось.

Чудо – дело тихое

Всем помогал отец Симеон, и все получали от него утешение. Но напиши об этом – многие вздохнут: «Ну какие тут чудеса?! Совпадения. Просто врачи вылечили. Мужик сам одумался и вернулся. В жизни и не такое бывает. При чем тут чудеса?..»

А разве не чудо то, что на сороковой день помянуть отца Симеона пришли тысячи людей?! И это в будний день! Не знаменитого народного артиста, не эстрадного певца, чей голос с утра до ночи будоражит эфир, а больного старца, много лет прикованного к постели, старавшегося жить тихо и незаметно. Прилетел из Запорожья архиепископ Лука – бывший наместник Глинской пустыни. Прилетел и нынешний ее наместник, архимандрит Антоний. Если бы не Архиерейский собор в Москве, то был бы на сороковинах и правящий архиерей, и еще не один владыка. Литургию отслужили в Михайло-Архангельском соборе и в храме Георгия Победоносца, за алтарем которого похоронен батюшка. А после панихиды на могилке весь день служили литии священники из дальних весей, которые не смогли быть на литургии. Как и после похорон, матушки пустыньки отца Симеона вместе с его духовными чадами устроили трапезу. И снова были утешены сотни людей, пришедших помянуть любимого старца.

Толгский монастырь, в гостях у владыки Михея

А разве не чудо, что с ним единой семьей более полувека жили монахини?! Они приехали из разных уголков России молодыми девушками. Убедившись в том, что встретили настоящего пастыря и мудрого духовника, остались с ним на всю жизнь. И это сейчас, когда не могут ужиться родственники, когда дети при первой возможности уходят от родителей, когда разваливается половина семей, когда люди, клявшиеся перед алтарем в вечной любви, через полгода начинают ненавидеть своих избранников!

В нынешнем обезбоженном, холодном и жестоком мире любовь Христова – это больше, чем чудо. Эта любовь не только нарушает естества чин, когда неоперабельные больные вдруг встают и, «взяв постель свою», уходят здоровыми, но главное – она растапливает хлад сердечный у закоренелых грешников, делавших жизнь невыносимой для окружающих и для самих себя.

Я давно собирался написать книгу о людях, с которыми мне привелось общаться. Судьба каждого по-своему интересна и драматична. Но у одних больше радостей (до поры до времени), у других больше печалей. И всегда интересно увидеть в людских судьбах Промысл Божий.

* * *

Галина Владимировна Бахмет – врач. Ей отец Симеон несколько раз позволил себя осмотреть. Делал он это редко. Только в крайнем случае.

Я рассказывал Галине Владимировне историю, услышанную от старосты храма Георгия Победоносца. А ей об этом, в свою очередь, поведала мать исцеленной девушки. У этой девушки обнаружили рак. Назначили операцию. Накануне операции она пришла на могилку батюшки и долго слезно молилась: «Батюшка, помоги! Пожалей меня! Не хочу умирать в сем-

надцать лет». И когда перед операцией взяли последние анализы, то ни метастаз, ни опухоли не нашли.

– И что вас смущает? – удивилась Галина Владимировна.

– Надо бы проверить. Узнать в онкологическом отделении, действительно ли все так и было. А вдруг врачебная ошибка при постановке диагноза?

– Ну что вы! Я нисколько не сомневаюсь. То, что неестественно в мирском плане, у батюшки было нормой. Я в этом неоднократно убеждалась. В 1997 году ему было очень плохо. Я осмотрела его – и к ужасу поняла, что он может умереть в любой момент. Ему оставалось жить максимум несколько недель. А он еще тринадцать лет прожил! Я только недавно перестала удивляться, когда увидела, как «нарушается естества чин» по молитвам старца. Могу рассказать историю, имеющую прямое отношение к моей семье. Она меня просто потрясла. Моя дочь попала в секту. Никакие собеседования с мудрыми священниками не могли убедить ее в том, что она совершила опасную ошибку. Наконец я уговорила ее поехать к отцу Симеону. Он говорил с ней недолго. Спросил:

– Что это за люди, с которыми тебе так хорошо?

– Это прекрасные, добрые, отзывчивые люди. Они готовы в любой момент прийти на помощь, – горячась, ответила дочь.

– Ну, конечно, они хорошие люди, – вздохнул батюшка. – Но ведь они Божию Матерь не любят и не признают. И батюшка заплакал. Даже не заплакал, а зарыдал. Моя Ирина была потрясена. Не понадобились никакие богословские доводы. Слезы батюшки растопили ее сердце. Ей стало понятным то, чего она до той поры не видела и не понимала.

Меня тоже потрясла эта история. И вот почему. Мы с протоиереем Алексием Касатиковым – духовным сыном отца Симеона, приехавшим из Краснодара послужить в сороковой день, – были приглашены к одной благочестивой прихожанке. Ее сын и невестка оказались у харизматиков. Они тоже симпатичные, улыбчивые, деликатные молодые люди и готовы в любой момент прийти на помощь, не спрашивая, какой деноминации человек. Добрых четыре часа мы отвечали на их вопросы, комментировали цитируемые ими тексты (в основном ветхозаветные), опровергали несправедливые обвинения в адрес Церкви, выслушивали общие для всех протестантов идеи о ненужности Церкви для личного спасения и общения с Богом. Оспорить их было нетрудно, но они нас не слышали, очевидные вещи их не убеждали. Помочь нашим собеседникам увидеть их заблуждения нам так и не удалось. Нас поблагодарили за беседу и обещали подумать. Отец Алексей не поленился – написал и прислал им обстоятельное письмо: все заданные в тот вечер вопросы прокомментировал ссылками на труды отцов Церкви. И что же? До сих пор думают. А отцу Симеону было достаточно трех минут, чтобы показать правоту Православия. Да еще таким удивительным образом.

То, что произошло с дочерью Галины Владимировны, доказывает, что человек многое постигает не столько умом, сколько сердцем. Многие люди получали ответы на неразрешимые вопросы, просто побыв рядом с батюшкой, когда он уже не в силах был говорить. Они заходили в его келью в полном отчаянии, а через некоторое время уходили успокоенные, с пониманием того, как им жить дальше. Все, кто общался с батюшкой, чувствовали его отеческую любовь. Он встречал незнакомых людей так, будто это были самые дорогие и близкие ему люди. Будто он истомился в ожидании их и теперь, когда они (как правило, незванные) появились в его доме, несказанно обрадовался оттого, что может проявить свою любовь. Любовь и простота – главные качества, притягивавшие к нему людей. Конечно же, бескорыстная отеческая любовь ко всем без различия чинов и личных качеств – одно из самых поразительных чудес в нынешнем веке. Как говорится, чудо – это не когда сводят огонь с неба, а когда злодей становится хорошим человеком. Таких примеров исправления закоренелых грешников немало. Самый яркий – это когда в селении Лыхны один из главных клеветников и зачинщиков гонений на батюшку покаялся и стал первым его защитником и помощником во всех делах. Сегодня не осталось

ни одного из тех, кто клеветал на батюшку и вредил ему. Они либо раскаялись, либо ушли в мир иной.

Я очень скоро почувствовал, что не стоит удивляться случаям исцеления по молитвам отца Симеона. А вот истории вроде той, что произошла с мужем одной из батюшкиных чад, достойны удивления.

Валентина была альпинисткой. Любила горы, красоту Божиего мира. Она, как все советские люди, имела смутное представление о вере. Но в горах что-то происходило с ее душой. Она приходила в восторг, душа переполнялась благодарностью за красоту и сама начинала славить эту красоту и ее Создателя. Когда она стала понемногу воцерковляться, поняла, что это была самая настоящая молитва. Но когда она читала молитвы по молитвослову, ее редко посещало вдохновение, подобное тому, которое она испытывала в горах. Муж Валентины Андрей относился к ее хождению в церковь как к чудачеству, но не препятствовал ее «новому увлечению». Когда возникла серьезная проблема, требовавшая мудрого совета, Валентина уговорила мужа обратиться к отцу Симеону. Приехали они в неурочный день. Они не знали, что батюшка плохо себя чувствует и никого не принимает. В это время он обедал с матушками, и когда незваные гости появились на пороге, нисколько не удивился: пригласил их к столу и радостно стал расспрашивать о жизни. Мужу Валентины он пододвигал самые вкусные блюда и общался с ним как с дорогим и желанным гостем. В конце обеда отец Симеон дал ему несколько советов. Эти советы помогли разрешить казавшуюся неразрешимой ситуацию.

Это так потрясло Андрея, что он несколько дней ходил, размышляя, чем бы отблагодарить батюшку.

– Поймай ему вот такую рыбу, – пошутила Валентина и показала какую – чуть ли не метровую. Дело в том, что Андрей очень любил рыбачить. Но никогда больше десятка маленьких ставридок и карасиков не приносил. Доставался улов кошке. А тут он на следующее утро отправился рыбачить – и вытащил огромного пеленгаса. Точно такой величины, как заказала жена. Никогда ни до того, ни после подобного с ним не случалось. Валентина в тот же вечер прочитала ему в Евангелии место о чудесной ловле рыб. И когда он в очередной раз отправлялся на море, крестила его и на ухо шептала «пароль»: «Сто пятьдесят и три».

На сороковинах отца Симеона я познакомился с одним молодым человеком и его матерью. Они пригласили меня в гости и обещали рассказать о своем общении с батюшкой. Их рассказ тоже можно было бы оценить как цепь удачных совпадений. Только звенья этой разорванной на множество фрагментов цепи могли связаться воедино лишь по воле свыше.

Их семья переехала в Сочи из другого города. И сразу они столкнулись с клубком серьезных проблем: мать семейства покинул муж, не было жилья, приличной работы, а нужно было как-то прокормить двоих детей. У тех, к тому же, начались проблемы с одноклассниками. Школа попалась им знаменитая: хулиган на хулигане. Где было одинокой матери искать помощи? Ее привели к отцу Симеону. Она стала его духовной дочерью и ни одного серьезного шага не предпринимала без его благословения. И вскоре проблемы отступили, а потом и вовсе рассеялись, «яко не бывшие»: и жилье обрела семья, и на работу хорошую мать устроилась. Сын и дочь закончили школу с золотыми медалями, безо всякого «блата» поступили в институт на бюджетное отделение. Блестяще закончили его, поступили в аспирантуру. Дочь вышла замуж за прекрасного молодого человека, а сын защитил диссертацию и стал самым молодым доцентом за всю историю института.

В паломничестве по монастырям

Они легко и радостно поведали мне свою историю. И столько было в них благодарности и любви к батюшке, что я невольно почувствовал его присутствие в этом замечательном доме. Все здесь дышало молитвой и любовью. Мне даже показалось, что я на «подворье батюшкиной пустыньки».

Это было одно из моих первых знакомств с батюшкиными чадами. А этот рассказ хочу закончить беседой с одним человеком, поведавшим мне о своей встрече с батюшкой. Его привела к отцу Симеону соседка. Он перебрался в Сочи из столицы. Купил дом с садом. Думал на пенсии заняться здоровьем, внуками. Но тут на него навалилась невыносимая тоска. Внуков даже летом к нему не привозили. Дети предпочитали отдых в Турции. Купили дом в Испании и сказали, что в Сочи ни за какие деньги не поедут. Будто бы им плохо от сочинского «хамства». И море здесь грязное, и пробки невыносимые, и дороговизна запредельная. Так что непонятно было моему собеседнику, для чего он оставил столицу: там у него и дети с внуками, и друзья, и сослуживцы... Хоть каждый день ходи в гости. А здесь ему и пообщаться было не с кем.

– А ты кто? – спросил его батюшка.

– Я полковник.

– И что, полком командуешь?

– Да нет. Я в отставке. Пенсионер.

– А чем занимаешься?

– И сказать трудно. Жене помогаю. На рынок съезжу, в саду поработаю...

– Ну, тогда ты не полковник, а для борща половник. А должен быть в саду райском садовник.

– Как это? – опешил полковник.

– А так. Трудись во славу Божию. Ходи в храм почаще. Читай Евангелие. Молись. Жертвуй на храм. Помогай Церкви. Ты грамотный. Иди в алтарники. Да хоть сторожем. И тоску твою как рукой снимет. И будешь уже на земле как в раю.

Полковник последовал батюшкиному совету.

– И действительно, тоски больше нет, – говорил он мне. – Некогда тосковать. Разгоняю ее словом Божиим. До рая еще далеко. Но из ада уже выбрался.

Матушка Ксения

Рассказ игуменьи Ксении – одно из свидетельств чудесной помощи батюшки (я вынужден изменить имя игуменьи и названия монастырей, поскольку героиня наша очень скромна и согласилась рассказать о своем жизненном пути лишь для того, чтобы поведать не о себе, а об отце Симеоне и его молитвенной помощи, которую она обильно получала при его жизни и продолжает получать до сего дня).

– Светское имя у меня Надежда, – рассказывала игуменья. – Жила я на Урале, рядом с Верхотурском. Работала медсестрой в больнице. Однажды подруга моя предложила летом поехать в отпуск в Абхазию. И попала я от Симеона Верхотурского к Симеону Гудаутскому – к батюшке Симеону. Нашли его домик. Он там с сестрами жил. Провели нас сестры в сад. А в саду маленькая келийка. Батюшка нас увидел:

– Вот казанские сироты приехали. Откуда вы?

Я сказала откуда, и что ездили мы по святым местам. Были в Печорах...

А подруга меня перебила:

– Можно я буду жить в Загорске?

Батюшка сразу отреагировал:

– Семинаристов ловить? Не надо. Ты такого поймашь – хуже мирского.

Тогда я спросила:

– А можно мне в монастырь? – И назвала монастырь, насельницей которого была знакомая моей мамы.

– Можно. Ну, что вам дать?

Подруга увидела на столе черную икру и говорит:

– Хочу икры.

Батюшка дал ей большую банку. А она ему:

– Батюшка, возьмите нас в духовные чада.

А я подумала: «Что это она за нас двоих говорит? У меня уже есть духовник». Да и у нее был. Только она потом еще два раза меняла. Батюшка посмотрел вокруг и дал ей яйцо-писанку из Корицкого монастыря. А мне дал серебряную иконку Веры, Надежды и Любви. И еще дал

мне свою фотографию. Он на ней такой строгий, нахмуренный. Велел письма ему писать. Вот я и стала ему писать. А он отвечал. У меня его писем – целый чемодан. Он пишет: «Уклоняйся от мира». Значит, готовься к монашеству. Это очень серьезный совет, хотя я и думала о монашестве. А у меня ведь был духовник. Как тут быть? Мама моя говорит, что нужно слушаться отца Симеона. Год мы с моим духовником переписывались. А потом он вдруг написал, чтобы я себе другого духовного отца искала. Он не мог на расстоянии мной руководить. А отец Симеон мог. Летом я поехала в Троицу, в лавру, а потом к отцу Симеону.

– Ну вот, игуменья приехала. Что, замазура, хотела в Троице матушкой стать?

Значит, намекает, что я хотела за семинариста выйти... Сел он за стол в центре, а меня рядом посадил. Дает мне маслины. А я их в первый раз вижу. Попробовала – соленые, кислые, горькие... Подумала, что он смеется надо мной. У меня даже лицо искривилось. А он смеется. Махнул рукой:

– Не быть тебе монахиней, раз маслины не любишь.

Схиархимандрит Симеон (Нестеренко). 2000-е

Я заплакала. А потом, когда уезжала, мне в дорогу дали маслин. Мне так грустно. Не хотела я от батюшки уезжать. Еду, ем маслины и плачу. И понравились. С той поры я люблю маслины.

Тогда я ходила у него в длинном темном халате. Батюшка:

– Ну ты и монашка! Давай, монашка, Псалтирь читай.

Я стала читать, и ему понравилось.

– Будешь монашкой.

А потом все время стал меня называть игуменьей. Все решили, что он смеется надо мной. Какая я игуменья? Я маленькая, голосок у меня – еле слышно. А игуменья должна быть видной, с командирским голосом... Я даже обиделась, что он меня так обзывает.

А потом я два года не ездила к нему. Только переписывались. Ездила в один монастырь в отпуск. Мне игуменья этого монастыря письма писала. Все Надюшей называла. А тут вдруг пишет: «Чудо Надежда». К чему бы это? Значит, и она о моем монашестве думает. Мама мне говорит:

– Слава Богу! Поезжай!

Я и поехала. Через Москву. А там батюшка Симеон. Он приехал из Киева. Я ему все рассказала, что меня в монастырь зовут. Он говорит:

– В монастырь так в монастырь. А сейчас поехали со мной в Гудауту.

Поехали. Едем, и мне так светло и радостно! Так благодатно! Батюшка рядом. Смотрю в окно, а там звезды...

В Гудауте я пробыла несколько дней. Вдруг рано утром батюшка говорит:

– Быстро уезжай в Сочи.

Я уехала. А там был обыск. Батюшке Духом открылось. Если бы меня нашли, то была бы беда. Я ведь была молодая. А за молодых священников строго наказывали. Батюшка мне потом написал, что келью его милиционеры сломали. А ведь ее освещали митрополит Леонид и епископ Илия. Илия сейчас Патриарх Грузинский.

Я и поехала в монастырь. Прописку мне не давали, я сняла жилье. Сестры со мной почти не разговаривают, а послушаниями завалили. Я приуныла. А батюшка мне все письма ласковые писал. Большие просфоры служебные присылал. Всякие подарки. В общем, я не выдержала и поехала в Гудауту. Думаю, что это не мой монастырь.

Митрополит Исидор (Кириченко) у отца Симеона. Справа от владыки: протодиакон Сергей, протоиерей Евгений Хаджипараш, протоиерей Иоанн Мартынюк. Справа от о. Симеона – монахиня Варвара, слева – инокиня Тамара (ныне мон. Тавифа); верхний ряд справа налево: мон. Агапия (ныне схимон. Афанасия, послушница Мария, мон. Елисавета, мон. Макрина (ныне схимон. Моисея), мон. Евдокия (ныне схимон. Екатерина)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.